

Звучащее и письменное слово связаны гораздо сильнее, чем привыкли думать. Человек, который часто слушает книги, привыкает думать о прочитанном и все равно возвращается к бумажному томику.

Аудиокнига (чтение вслух) – это возвращение к самому простому и естественному способу получения информации, это новая и в то же время «хорошо забытая» возможность развития своих интеллектуальных способностей с помощью чтения в условиях жесткой нехватки времени.

¹ См.: История чтения в западном мире от античности до наших дней / Сост.: Г. Кавалло, Р. Шартъе; научн. ред. русского перевода Ю.П. Мелентьева. М., 2008.

² *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях. 2-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 1963; То же. 5-е изд. М., 1982.

³ К сожалению, эта работа была насильственно прервана в 1930-х гг. Материалы этих исследований, проведенных под непосредственным руководством С.И. Бернштейна (см., напр.: *Бернштейн С.И.* Голос А.А. Блока // Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972), опубликованные только в 70-х гг. XX в., высоко оценил известный психолог А.А. Леонтьев, автор книги «Речевое воздействие».

⁴ *Шилов Л.А.* Голоса, зазвучавшие вновь. М., 2004.

⁵ Там же.

⁶ Первой радиопостановкой считается «Война миров» Г. Уэллса (1938), вызвавшая панику среди американцев, решивших, что нападение марсиан – это реальность.

М.А. Можейко

Книга как символ европейской культуры

В системе значимых для европейской культуры символов книга всегда занимала особое место. В аксиологической системе Европы книга рассматривается как ценность, причем ценность особого порядка. Книга – папирус, пергаменный свиток, кодекс или носитель оцифрованной информации – всегда выступает в культуре символом мудрости, учения и обучения. Издавна и политические, и религиозные, и философские, и правовые учения наиболее значимые свои положения (программные, фундаментальные, сакральные и т.п.) закрепляли в письменной форме.

Так, еще со времен пророка Моисея книга стала выступать как символ Божественного Откровения. Богодухновенный текст – Биб-

лия – символизирует в христианской культурной традиции изначальное Откровение Божие, данное людям.

Вместе с тем, в христианской традиции книга стала символом не только Священной Книги, Библии – *Biblia Sacra* (лат.), – но и веры как таковой. Аналогичен статус Вед в индуизме, Авесты в зороастризме, Торы в иудаизме, Корана в исламе. Согласно одной из западноевропейских версий легенды о Священном Граале, рыцари ищут не чашу, а книгу и потерянное слово. В православной и католической иконографии с книгой в руках изображаются пророки, апостолы и – обязательно – евангелисты. Человек с книгой в руках означал верующего не только в христианской иконографии, но и в христианской традиции в целом.

В классическом европейском искусстве за символом книги закрепляется значение истинного (божественного) знания. Как известно, в одной из ранних версий «Мадонны Конестабиле» Рафаэля младенец Иисус тянулся на руках матери к яблоку, которое позднее было заменено на книгу, что придало полотну совершенно иной смысл и новую, более глубокую направленность.

В этом контексте в мусульманском мире (со времен пророка Мухаммеда и вплоть до последних лет существования Арабского халифата) – имел место уникальный феномен: на общем фоне нетерпимости к иноверцам ислам выстраивал особое отношение к иудеям и христианам как народам, чья вера восходит к Великой Книге, называя их «аль-Киттаб», т.е. «народы Книги».

Позднее для христианских и мусульманских мистиков символ книги обретает более широкую семантику. Мистическая традиция выделяет два явления истины: истину Откровения (т.е. текста) и истину творения (т.е. жизни во всех бесчисленно разнообразных ее проявлениях). В этом контексте книга становится практически всеобъемлющим символом, выступая знаком самой жизни. Со времен Средневековья в европейской культуре оформляется образ природы как совокупности исполненных глубокого сакрального смысла знаков, подлежащих прочтению, пониманию и истолкованию.

В этой системе отсчета мироздание трактуется как великая книга, в которой тайнописью записана мудрость Божья. Средневековые представления о мире как о книге Божьей, по словам Ж. Ле Гоффа, сохраняют традицию специфического мистического символизма: средневековое сознание реализуется как бы в двух семантических проекциях (обыденной и сакральной), постоянно усматривая за земными событиями знаки высших смыслов: все события и блага земно-

го мира воспринимаются им лишь как знамения, символы феноменов и благ небесного царства¹.

Такая трактовка бытия обнаруживает себя и в философских текстах вплоть до Нового времени. Так, Джордано Бруно сравнивает мудреца – искателя истины – с Актеоном, преследующим богиню «в лесах» (т.е. несущих в себе тайну непознанных сфер, подлежащих изучению и расшифровке) и «меж вод» (т.е. в зеркалах подобий, отражающих в природных явлениях сущность проявлений божественной истины). Галилео Галилей рассматривает природу как великую книгу мудрости божественного творения, написанную особыми знаками, подлежащими дешифровке: «природа есть книга великая», «знаки же ее – математические формулы».

В контексте белорусской культуры такая трактовка книги наиболее полно проявилась в текстах Симеона Полоцкого:

Книга

Различны книги нам суть Богом преложены
Да благонравно жити будем научени.
Первая книга – мир сей, в ней же написался,
Что либо от всемогши Господа созданся...

Всю свою онтологию, моделирующую его представления о мироустройстве, Симеон Полоцкий строит как описание сакральной книги, каждый «лист» которой представляет собой особый уровень организации мироздания:

Мир есть книга

Мир сей преукрашенный книга есть велика,
Яже словом написа всяческих владыка.
Пять листов препространных в ней ся обретают,
Яже чужна письмена в себе заключают.
Первый же лист есть небо, на нем же светила,
Яко письма, божия крепость положила.
Второй лист огонь стихийный, под небом высоко,
В нем яко писание силу зрит око.
Третий лист, преширокий аер мощно звати,
На нем дождь, снег, облака и птицы читати.
Четвертый лист, сонм водный в ней ся обретает,
В том животных множество удобся читает.
Последний лист есть земля, с дресвы, с травами,
Со крущы и с животными, яко с письменами,

В сей книге есть возможно комужды читати, коль велик,
иже ону изволи создати.

И коль силен есть могий ону утвердити,

Ни на чем же основу ее положитьи.

И колико премудр есть, иже управляет,

Вся сущая, и тайны всяческий знает.

Ту книгу читающе, рцем вси: слава тебе,

В человеколюбье царствуй на небе...

В европейской культуре сложилась целая система связанных между собой символов, основанных на идее книги. Так, открытая книга означает обучение (в религиозном контексте – Откровение), закрытая книга символизирует тайны, загадки бытия.

Начиная с Нового времени (когда стали оформляться современные представления) и вплоть до сегодняшнего дня книга выступает символом науки. В этом контексте раскрытая книга начинает восприниматься как раскрытие тайн мироздания – стилизованное изображение раскрытой книги входит в символику не только библиотек, но и научных учреждений, а также учебных заведений.

Важнейшую роль играет образ книги и в европейской философии XX в. Так, в концепции канадского философа и социолога, теоретика коммуникационных технологий М.Х. Мак-Люэна книга выступает маркером целой эпохи в развитии человечества. Мак-Люэном создана концептуальная модель исторической динамики общества, в центре которой лежит проблема типа и способа коммуникаций. На основе этого критерия Мак-Люэн выделяет аудио- и видеокommunikацию, что, в свою очередь, ложится в основу дифференциации аудио- и видеокультур, т.е. «культур слуха» и «культур зрения». Подчеркивая универсальность этой дифференциации, Мак-Люэн называет их «галактиками», и именно книга, печатный текст, становится символом современной «галактики» – «галактики Гутенберга».

Как считает Мак-Люэн, исторически первой является эпоха устной речи (аудиокультура), в связи с чем «сенсорный баланс племенного человека» характеризуется синкретизмом и включенностью во взаиморезонирующую речь членов общины, чему соответствует мифологический синкретизм сознания и растворенность индивида в родовом коллективе.

Формирование фонетического алфавита – как первый толчок – и изобретение наборного шрифта (И. Гутенберг, XV в.) – как главный импульс – породили новый тип культуры – видеокультуру,

«культуру зрения», которую М. Мак-Люэн и называет «галактикой Гутенберга».

Именно в изобретении печатного станка коренятся, по Мак-Люэну, истоки и всеобщей грамотности, и промышленной революции. Кроме того, типографское тиражирование создает, по Мак-Люэну, первый культурный образец стандарта как такового и образец стандартно воспроизводимого товара, задавая тем самым стандарт массового производства. Печать как «стандарт стандарта» выступает также и образцом стандартной (штатной) коммуникации, – «племенной человек» заменяется «типографским и индустриальным», племенной строй – индустриализмом.

Не менее важно и то обстоятельство, что письменный текст, тиражируемый печатью, выступает в качестве основы рефлексии над языком (позволяет «увидеть язык»), т.е., по Мак-Люэну, инспирирует формирование и национального самосознания, и наций как таковых.

Но самое главное в данном случае, что печатное слово, сделавшее письменность основой массовых коммуникаций, предоставило индивиду такие права, как селекция информации, свободная ее интерпретация, критицизм и возможность поступать с этой информацией по своему усмотрению, – собственно, право на индивидуальность.

Следует отметить, что связанная с книгой система символики прошла в своем развитии достаточно значимую эволюцию. Так, в древности сжигание книги выступало символическим актом отречения человека от прежних убеждений (например, предание огню книг языческого содержания первыми христианами – и наоборот). Позднее посредством сжигания книг пытались бороться с чуждыми убеждениями и искоренять альтернативные традиции: от вершимых над еретическими трактатами аутодафе инквизиции до фашистских костров из гуманистических изданий. Однако с течением времени в культуре формируется совсем иное понимание: уничтожение книги – независимо от ее содержания – стало восприниматься как символ вандализма, мракобесия и обскурантизма: температурная точка «по Фаренгейту», при которой начинает гореть бумага, выступает в современной литературе символической точкой гибели культуры как таковой.

Именно библиотека стала символом не только интеллектуальной мощи человечества – от эллинистической библиотеки Александрии до библиотеки-лабиринта, хранящей свои тайны в постмодернистском романе «Имя розы» У. Эко, – но и символом культуры как таковой. И библиотекарь выступает в этой системе отсчета не только как хранитель книжной учености, но также и как хранитель муд-

рости, обеспечивающий преемственность культурных традиций и связь времен, страж духовной стабильности и интеллектуального порядка – хранитель того, что позволяет человеку сохранять свой статус и нести свою великую миссию *homo culturis*.

¹ См. об этом: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 307–312.

Б.Н. Морозов, Р.А. Симонов

Изучение истоков письменности как составной части книжной культуры

По-видимому, впервые дал серьезное обоснование изучению истоков письменности как части книжной культуры В.А. Истрин в своей фундаментальной монографии¹. В книге В.А. Истрина отражено содержание его диссертации, защищенной впервые в области книговедения (и книжной культуры) на ученую степень доктора филологических наук. В настоящее время, по нашему мнению, взгляд на историю книжной культуры лишь как на сложившийся результат человеческой деятельности в виде книги-кодекса выглядит недостаточным. Идеи В.И. Истрина о необходимости более широкого отношения к книжной культуре разрабатывались на возглавляемой им кафедре Московского полиграфического института (ныне Московский государственный университет печати – МГУП), а теперь успешно изучаются на кафедре книжного бизнеса МГУП (зав. кафедрой проф., д-р филол. наук Б.В. Ленский) и в Научном центре исследования истории книжной культуры при НПО «Издательство “Наука”» РАН (директор член-корреспондент РАН В.И. Васильев).

Одним из сложных вопросов истории книжной культуры является реконструкция авторского замысла создания письменных систем. Н.Н. Дурново² и независимо от него Н.С. Трубецкой³ выдвинули гипотезу о том, что один из видов славянского письма, созданный в середине IX в. святыми Константином-Кириллом и Мефодием – глаголица – строился по математическому (нумерационному) принципу. По их мнению, первые 9 букв в первоначальной глаголице были также цифрами единиц, вторая девятка букв-цифр обозначала десятки, третья – сотни, четвертая – тысячи. Итого первоначальная глаголица насчитывала 36 букв-цифр. Эта гипотеза не забыта⁴, но поскольку